

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И “ЛИДЕРСКАЯ РЕНТА”*

© 2015 г. О. Буклемишев, Ю. Данилов

В условиях глобализации абсолютный размер национальных экономик становится важной предпосылкой их лидерства в мировой хозяйственной системе. Межгосударственная конкуренция рассмотрена в статье с точки зрения лидерства по номинальному объему ВВП. Вводится и раскрывается понятие “лидерской ренты” – выигрышей, получаемых ведущими экономиками, и объясняется, почему ее наличие не приводит к устойчивому увеличению относительного отрыва экономик лидеров. Оценены перспективы изменения положения России в международной экономической иерархии.

Ключевые слова: глобализация, экономическое лидерство, “эффект колеи”, “лидерская рента”, резервная валюта, трансграничные потоки капитала, развивающиеся страны, догоняющее развитие.

Статья поступила в редакцию 22.04.2015.

Закономерности обретения и потери странами мирового экономического лидерства издавна являются предметом изучения историков, политологов и экономистов. В настоящей статье мы попытаемся осмыслить современную ситуацию в данной сфере, опишем сложившуюся “иерархию лидерства” и вероятные тенденции ее изменения, проанализируем основные предпосылки формирования “лидерской ренты”, а также дадим в этой связи оценку сегодняшнему положению России в мире.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В своей главной монографии Э. Мэддисон приводит данные об экономической динамике различных стран и регионов начиная с 1 века н.э. по настоящее время, отмечая неравномерность

наблюдаемых темпов развития (в особенности на протяжении последних нескольких столетий после промышленной революции) [1]. На протяжении большей части рассмотренного им периода в роли самых крупных экономик мира выступали Индия, Китай, Европейский континент и США. Сегодня глобальная хозяйственная система переживает очередную смену лидерства. По некоторым оценкам, в 2014 г. Китай вернул себе утраченное почти два столетия назад мировое экономическое превосходство, обогнав США по показателю валового внутреннего продукта (ВВП) по паритету покупательной способности (ППС) (рис. 1).

К этому событию сегодня приковано пристальное внимание, поскольку считается, что оно станет во многом определяющим для формирования будущей траектории мирового развития – включая как экономические аспекты (в частности, сокращение доли Европы в глобализированном хозяйстве и перемещения центра глобальной торгово-экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион), так и политические (в частности, ослабление степени военного доминирования США и переход мира к большей “полицентричности”) [2, 3].

Россия также стремится завоевать ведущие позиции в глобальной экономике. В ныне действующей Концепции долгосрочного развития Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства от 17 ноября 2008 года № 1662-р, перед отечественной экономикой поставлена цель

БУКЛЕМИШЕВ Олег Витальевич, кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46 (o.buklemishev@gmail.com)

ДАНИЛОВ Юрий Алексеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС, РФ, 119571 Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1; ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46 (ydanilov@rambler.ru).

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РОФ СРСМН «Общественный форум “Диалог цивилизаций”». Авторы благодарят членов редколлегии журнала “Мировая экономика и международные отношения” за ценные принципиальные замечания, высказанные в ходе обсуждения статьи.

Рис. 1. Динамика долей ВВП различных стран и макрорегионов, по паритету покупательной способности

Примечание. Здесь и далее мы не делаем принципиального различия между экономическими системами стран и макрорегионов, полагая, что крупнейшие хозяйственные комплексы, обладающие высокой степенью однородности и единства, могут существовать как в границах отдельно взятой страны, так и в рамках объединения нескольких государств (например, Европейский союз).

Источник: [1].

войти до 2020 г. в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта (по ППС).

Такое внимание к положению абсолютного экономического лидерства не случайно. В современных условиях наряду с такими качественными экономическими параметрами, как уровень жизни, величина дохода на душу населения, структура экономики и уровень развития производительных сил, особое значение приобретает также абсолютный размер экономики (продукта, производимого за единицу времени). При этом мировым лидером по количественным показателям может стать страна не только из категории развитых, но и из числа развивающихся.

Действительно, чем крупнее экономика, тем потенциально более емок рынок сбыта и шире спектр инвестиционных возможностей. В силу такого «эффекта масштаба» большие экономики приобретают дополнительный «гравитационный эффект», притягивая деловую активность, инвестиции и квалифицированную рабочую силу. Благодаря либерализации внешнеэкономической деятельности, а также быстрому сокращению транспортных расходов и других транзакционных издержек данный эффект играет все более важную роль при принятии бизнес-решений участниками международных экономических отношений.

Таким образом, экономическое доминирование отдельных стран и макрорегионов приобретает принципиальное значение, создавая предпосылки для формирования перераспределительных выигрышей или конкурентных преимуществ, которые можно назвать «лидерской рентой». Поэто-

му мировое экономическое лидерство становится дополнительным фактором формирования современной модели глобальной системы.

В международно-составительных исследованиях принято использовать показатель (валового или подушевого) ВВП, оцененный по паритету покупательной способности (ППС), что отражает прежде всего относительное богатство и уровень жизни в рассматриваемых странах. Нас же интересует размер национальных экономик в эпоху усиления роли трансграничных потоков капитала, поэтому оценка роли стран в мировой экономической системе проводилась на основании номинального показателя ВВП. Это сделано по следующим причинам:

1. Экономическое лидерство в значительной мере связано с гравитационными эффектами, проявляющимися в международных потоках экономических благ, которые оцениваются в номинальном выражении и соотносятся с соответствующим показателем ВВП.

2. В условиях глобальной экономики важнейшим каналом трансграничного взаимодействия стали капитальные потоки, которые не могут адекватно описываться в единицах, учитывающих национальные различия в уровнях цен на труд, товары и услуги. Принятие инвестиционных решений на международном уровне требует анализа в номинальных денежных единицах.

3. Использование ППС затрудняет сравнение текущего внешнеэкономического потенциала различных стран. Во-первых, вновь рассчитанные коэффициенты паритета становятся доступны с определенным лагом и отражают положение дел на некоторый момент времени в прошлом. Во-вторых, если, например, валюта какой-либо страны одномоментно девальвируется относительно доллара на 20%, то с точки зрения внешнеторговых или капитальных потоков ее возможности сокращаются соответственно (проблема «избыточной конъюнктурности» оценок по текущему валютному курсу может решаться путем применения усредненных номинальных величин).

4. Номинальный курс прямо учитывает рыночную стоимость производимых товаров и услуг (как торгуемых, так и неторгуемых) с учетом фактора их качества, в то время как ППС фактически уходит от такой оценки, делая упор на сопоставимости объемов производства в натуральном, «физическом» выражении. Между тем в рамках глобального рынка сравнение осуществляется исключительно по рыночной стоимости произ-

водимых товаров и услуг, прямо учитывающей (посредством международной конкуренции) их качество.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В последние 15–20 лет активизировались исследования длинных и “сверхдлинных” рядов экономической динамики. Одним из наиболее важных в этой области стал уже упомянутый энциклопедический труд Э. Мэддисона [1]. В нем сводятся в единую систему ранее разрозненные оценки основных экономических показателей стран и регионов (численность населения, ВВП, подушевой ВВП) на протяжении двух последних тысячелетий, а также проводится качественный анализ и обоснование закономерностей относительного возвышения и упадка национальных экономик и их групп.

Работа Мэддисона вызвала к жизни такое новое направление исследований долгосрочной экономической динамики, как анализ “эффекта колеи” (*path dependence*), то есть устойчивой зависимости от предыдущих результатов развития. В этой области главный вклад внесли такие известные экономисты, как П. Дэвид и Д. Норт, а также некоторые другие¹. Заметное место в этом ряду заняли и труды отечественных экономистов: А. Аузан в своих работах анализировал “эффект колеи”, уделяя особое внимание редким случаям перехода на траекторию более быстрого экономического развития [4]. В. Попов исследовал закономерности изменения иерархии мировой экономики последних 500 лет [5]. Эти же вопросы подробно рассматриваются в недавней монографии А. Улюкаева [6].

Мировое хозяйство долгое время описывалось исследователями через простую дихотомию “развитые – развивающиеся экономики”. Ряд авторов утверждает, что такая картина мира была характерна достаточно давно: с начала периода современного экономического роста (в терминах С. Кузнеця) или капиталистического развития (в терминах Э. Мэддисона), то есть с середины XVIII в., или, соответственно, с начала XIX в. (точнее, с 1820 г.) [7, сс. 21–24].

В рамках таких представлений группа развитых стран предопределяла характер и темпы развития мирового хозяйства, а также выступала в качестве естественного “ядра” по отношению к развивающимся экономикам, которые составляли

относительно однородную периферию глобальной экономической системы. Хотя экономисты по-разному проводили черту между развитым и развивающимся миром, а также периодически вводили дополнительные промежуточные страновые категории (например, “переходные экономики”), в целом “дуалистическое” восприятие глобального хозяйства доминировало.

Соответственно, профиль глобальных рисков также описывался в основном через взаимодействие групп развитых и развивающихся стран при ведущей роли первых. Всякий раз, когда развитые экономики переживали кризис, это немедленно сказывалось и на их периферии. Когда же кризисные явления зарождались в развивающемся мире, их размах, как правило, оказывался достаточным лишь для того, чтобы затронуть развитые страны “по касательной” (так, в частности, произошло в ходе “азиатского кризиса” 1997–1998 гг.).

Усложнение взаимосвязей внутри экономической системы изменило и профиль рисков глобального хозяйства. С одной стороны, возросшая диверсификация торгово-инвестиционных связей приводит к снижению уровня системных рисков. С другой стороны, теперь распространение кризисного сигнала в мировой экономике может идти по более длинной и сложной траектории, но в результате способно нанести не меньший совокупный ущерб. Системно значимых игроков стало больше и, следовательно, потенциал взаимного преумножения рисков увеличился, а география их контактного распространения расширилась. В этой связи не исключено, что очередной глобальный кризис зародится уже не в развитых, как ранее, а в развивающихся экономиках.

Важным трендом последних десятилетий стало усиление полицентричности мировой экономической системы (см. [2]) на фоне общего сближения размеров экономик развитых и развивающихся стран. Схематически нынешнюю модель мировой экономической системы можно представить в следующем виде (рис. 2).

Динамичность процессов экономического развития в современном мире не позволяет говорить об устойчивости иерархии лидерства. Еще в 1990 г. можно было говорить о безусловном доминировании трех основных центров мировой экономики – (1) США, (2) Евросоюз, (3) Япония. Их совокупная доля в глобальном ВВП составляла около трех четвертей (73.8%). Однако к 2013 г. их роль сократилась до 52.1%, освободив место еще, как минимум, для одного нового глобального экономического лидера – (4) Китая. Вообще, благодаря опережающему росту крупнейших эко-

¹ См. обзор [4].

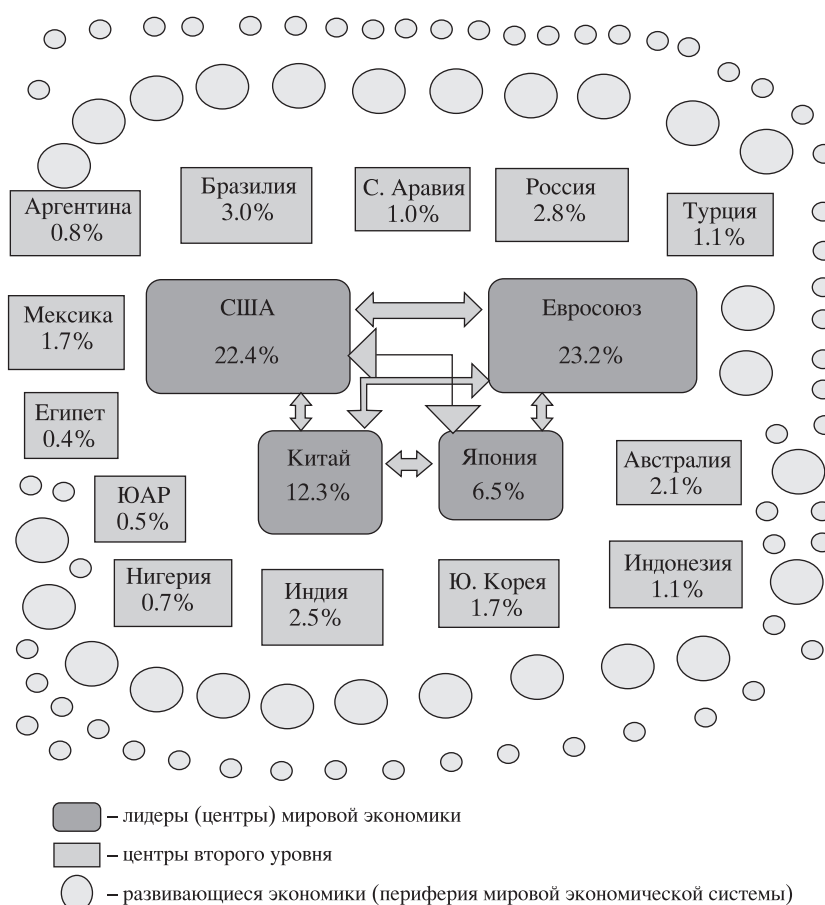

Рис. 2. Модель современной мировой экономической системы

Источник: доли экономик рассчитаны авторами на основе данных Всемирного банка (*World DataBank*) в долларах США по рыночному курсу по состоянию на 2013 г.

номик развивающихся стран доля стран БРИКС в мировом ВВП выросла практически втрое: с 7.75% в 1999 г. до 21.11% в 2013 г.

Кроме того, в течение последних 15 лет и особенно после кризиса 2008 г. происходит перераспределение экономической активности внутри круга развивающихся государств. Кроме ведущих развивающихся экономик на лидерскую роль в перспективе начинают претендовать и другие страны, отличающиеся высокими темпами экономического роста.

Снижение темпов экономической динамики в группе стран БРИКС, наметившееся после кризиса 2008 г., привело к поиску глобальными инвесторами новых направлений для приложения капиталов. Первым шагом на этом пути стало выделение группы стран “*NEXT-11*”², которая, исходя из самого своего названия, рассматривалась инвесторами как новая зона потенциально эффектив-

ных вложений. Доля “*NEXT-11*” в мировом ВВП увеличилась за период 1990–2013 гг. с 5 до 8.3%. Однако еще более высокую динамику стали показывать развивающиеся страны, которые не входят ни в БРИКС, ни в “*NEXT-11*”; их доля в мировом ВВП росла самыми быстрыми темпами (табл.).

Специфика сегодняшней ситуации заключается в том, что на фоне усиления позиций периферии в среднесрочной перспективе сложно ожидать возникновения нового, пятого центра мировой экономической силы. Во-первых, японская экономика по итогам 2013 г. продемонстрировала более чем двукратное превосходство над ближайшим преследователем – Бразилией. Во-вторых, этот вывод подтверждается анализом хозяйственной динамики стран, которые потенциально могли бы стать претендентами на место нового центра мировой экономической силы после кризиса 2007–2009 гг.³

²“*NEXT-11*”: Мексика, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Южная Корея, Филиппины.

³ Темпы роста экономик КНР и Индии устойчиво снижаются в течение всех последних лет, развитие бразильской экономики крайне неустойчиво.

Таблица. Доли групп развивающихся стран в мировом ВВП, %

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Группа БРИКС	11.96	13.60	15.06	16.15	18.21	19.68	20.33	21.11
Группа “NEXT-11”	7.33	7.44	7.30	7.05	7.75	7.87	8.00	8.31
Развивающиеся страны (без БРИКС и “NEXT-11”)	4.28	4.78	6.07	6.11	6.25	6.68	7.18	7.37

Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка (*World DataBank*), ВВП в долларовом выражении по номинальному курсу.

Опыт Китая, ставшего в течение последнего десятилетия новым глобальным экономическим лидером, возможно, даже уникален (наряду с быстрым прогрессом Японии, наблюдавшимся в XX в.).

Одновременно нельзя исключать *уменьшения* количества мировых экономических центров – прежде всего за счет нарастающего отставания и выпадения из их числа Японии и, возможно, впоследствии экономики Евросоюза. По крайней мере, опыт последних десятилетий свидетельствует о возможности такого развития событий. Можно с высокой вероятностью прогнозировать, что в четверке лидеров Японию сменит Индия [8], причем выпадения Японии из числа лидеров следует ожидать в 20-х годах, а вхождение в число лидеров Индии – в 30-х или 40-х.

“ЛИДЕРСКАЯ РЕНТА”

В глобальной экономической системе лидерство по валовым показателям развития экономики автоматически транслируется для государств в дополнительные выигрыши. Это “рента масштаба”, то есть дополнительный доход, извлекаемый страной (ее резидентами) за счет реализации возможностей, которые связаны с ее нахождением в числе крупнейших экономик мира.

Однако “рента масштаба” – лишь доля потенциального выигрыша, который может быть получен в случае, когда преимущества масштаба соединяются с определенными качественными характеристиками и страна становится лидером не только по количественным, но и по качественным показателям уровня развития экономики, финансовой системы и общества. Такой выигрыш мы называем “лидерской рентой”.

При прочих равных условиях более крупная экономика вследствие эффектов масштаба и “гравитации” (то есть *количественных* показателей) пользуется дополнительными конкурентными преимуществами. Однако в максимальной мере эти преимущества проявляются в странах с высо-

ким уровнем *качественных* показателей экономического развития, то есть в развитых странах.

“Лидерская рента” формируется в ведущих экономиках в силу следующих обстоятельств:

- потенциально более высокая емкость внутренних рынков товаров и услуг, присутствие на которых для транснациональных экономических агентов становится коммерчески целесообразным и даже необходимым по конкурентным соображениям;

- потенциально более высокая емкость и, следовательно, ликвидность внутреннего рынка капитала. Помимо всего прочего, высокий объемный показатель этого рынка при соблюдении ряда условий гарантирует включение соответствующих торговых площадок и представленных на них активов в мировые индексы и обеспечивает дополнительный “фоновый” приток средств инвесторов из-за рубежа, удешевляя привлечение финансовых ресурсов на национальном рынке;

- активное применение национальной валюты в международной торговле и инвестировании, что создает на нее дополнительный спрос и формирует предпосылки для ее превращения в полноценную резервную денежную единицу. Очевидно, что большой размер экономики является необходимым условием для использования валюты в качестве резервной. Поскольку экономика Великобритании в 6, а швейцарской – в 30 раз меньше американской⁴, неудивительно, что на фунт стерлингов в последние годы приходится лишь около 4% глобальных резервов, а на швейцарский франк – менее 1% [9, с. 214];

- формирование условий для притока человеческого капитала – как в силу перспектив извлечения повышенного дохода в представленных на рынке ведущих компаниях, так и более широкого спек-

⁴ На примере Швейцарии также ярко проявляется возвышение значимости масштаба экономики как фактора превращения национальной валюты в резервную. За период 1993–2013 гг. доля швейцарского франка в структуре мировых валютных резервов сократилась с 1.1% до 0.2%.

ра возможных вариантов занятости и карьерного роста, а также создание возможностей по структурированию “организационного капитала” по Р. Раджану⁵, в том числе в инновационной сфере;

– бóльшая (при прочих равных условиях) устойчивость внутренних экономических процессов и изменения важнейших экономических и финансовых параметров. Эффекты “собственной массы” и диверсификации формируют повышенную степень “эндогенности” и, соответственно, независимости экономики от внешних рисков и “турбулентностей” мирового хозяйства;

– возможность финансирования и адекватного ресурсного обеспечения государственной политики, включая различные меры по совершенствованию ключевого фактора современного развития – человеческого капитала, а также по утверждению и закреплению лидерства – из арсенала как *hard power*, так и *soft power*⁶;

– ведущие позиции в международных институтах, значимая роль при принятии решений на международном уровне, что в конечном счете транслируется в формирование выгодных для страны-лидера “правил игры”⁷.

Разумеется, многие из указанных факторов формируют лишь потенциальную возможность выигрыша, которая не обязательно реализуется на практике. Для этого необходимо создание определенных условий. Так, привлечение масштабных иностранных инвестиций даже самыми крупными экономиками требует формирования благоприятного инвестиционного климата, включая обеспечение прав собственности в рамках независимой правовой системы, а создание резервной валюты – либерализации капитального счета платежного

баланса и развития инфраструктуры внутреннего финансового рынка. Кроме того, необходимым условием обеспечения указанных преимуществ является проведение ответственной, предсказуемой и сбалансированной экономической политики на долгосрочном временном горизонте.

Оценка качественных характеристик, которые способствуют реализации возможностей, созданных эффектом масштаба, – отдельная сложная и важная задача. Для ее решения с конца прошлого века активно разрабатываются различные способы измерения качественных параметров национального развития. Из 55 такого рода индексов, описанных в [11], 12 начали публиковаться до 2000 г., за период 2001–2005 гг. добавилось 17 индексов, за 2006–2010 гг. – еще 12.

В условиях повышения глобальной роли финансового сектора потенциальные выгоды (и потери) отдельной национальной экономики в международном обмене существенно увеличились. Одной из основных движущих сил перераспределительного процесса на глобальном уровне служит трансграничное перемещение капиталов. Инвестиционные потоки идут в первую очередь в страны, которые являются мировыми экономическими лидерами, а они, в свою очередь, при посредстве международных финансовых центров частично “переупаковывают” их и направляют в наиболее быстро растущие экономики.

На наш взгляд, в условиях повышенной турбулентности мирового хозяйства одним из главных факторов повышения конкурентоспособности национальной социально-экономической системы является эндогенность и относительная стабильность основных макроэкономических характеристик. Сильные экономики в этой ситуации получают дополнительный выигрыш, укрепляя свои позиции за счет более слабых (неустойчивых).

Так, стабильность стоимости привлечения капитала (ставки процента) и других макроэкономических параметров, принимаемых во внимание глобальными инвесторами, является важнейшей предпосылкой доступности инвестиционных ресурсов, позволяющей странам-лидерам обеспечивать максимально привлекательные условия финансирования национального бизнеса, участвующего в глобальной конкурентной борьбе (рис. 3). Высокая устойчивость экономики и финансовых рынков в результате действия как количественных, так и качественных факторов стимулирует дополнительный приток долгосрочных инвестиций, формируя принципиально более выгодные условия их привлечения.

Несомненно, бóльшую часть мировой “лидерской ренты” извлекают США, самая крупная в

⁵ Наличие организационного капитала предполагает надежность поставщиков; устойчивый платежеспособный спрос на производимые товары; профессиональных менеджеров, способных прогнозировать изменение структуры спроса; адекватные технические службы; доступное финансирование; эффективные инфраструктурные и управленческие институты, которые, в том числе, могли бы обеспечивать права собственности, личную безопасность и т.д. [10, с. 98].

⁶ Так, поддержание вооруженных сил на современном уровне требует (1) крупного размера и высокой эффективности экономики, чтобы адекватное финансирование военных расходов не подрывало прочих возможностей государства; (2) высокого качества человеческого капитала и состояния фундаментальных исследований; (3) высокой технологической культуры.

⁷ Отказ Конгресса США ратифицировать согласованный еще в 2010 г. пересмотр страновых капитальных квот в МВФ и Всемирном банке в пользу быстро растущих экономик развивающихся стран демонстрирует, что процесс перераспределения политического влияния в соответствии с экономическим “весом” может быть небезболезненным.

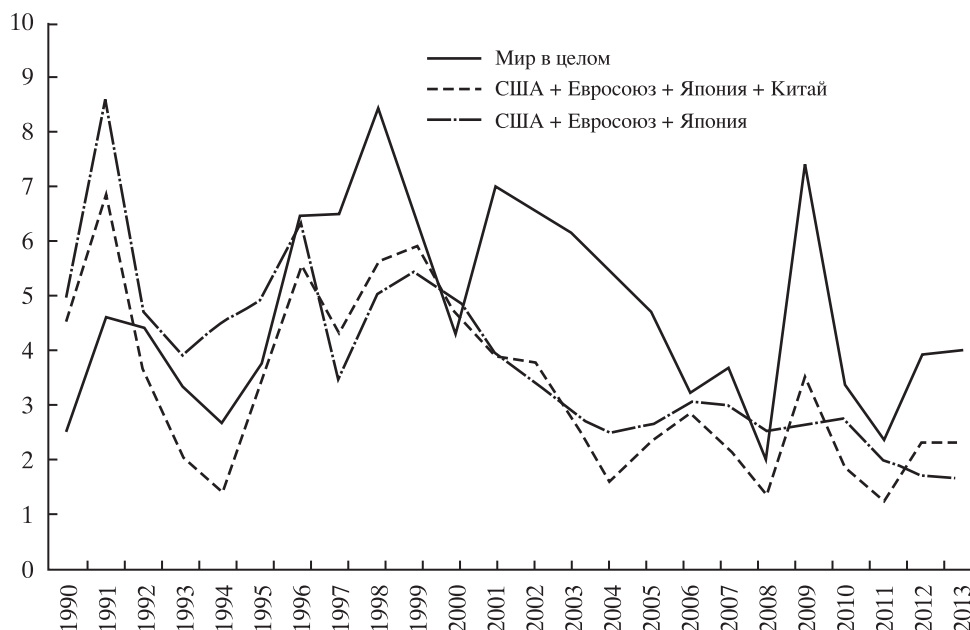

Рис. 3. Средние арифметические реальных процентных ставок
 Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка (*World DataBank*).

мире экономика на протяжении последних десятилетий, обладающая наиболее глубокими и ликвидными финансовыми рынками. В частности, во многом благодаря этому факту США эмитируют доминирующую резервную валюту мира (62.3% всех резервных активов [12]). Выигрыши европейской экономики, Японии и Китая гораздо меньше, хотя и по разным причинам. В Европе это слабый экономический рост, высокая долговая нагрузка ряда государств и структурные проблемы, в Японии – стагнационно-дефляционная ловушка, а также демографический спад в условиях низкой приспособленности к импорту рабочей силы, а, в свою очередь, в Китае – существующие валютно-финансовые ограничения и продолжающаяся глубокая трансформация экономической системы.

В любом случае размер “лидерской ренты” не может считаться пренебрежимо малым. По имеющимся оценкам, выигрыш США только за счет эмиссии резервной валюты превышает 100 млрд. долларов в год, или порядка 1% ВВП страны [13]. Вклад прочих факторов оценить гораздо сложнее, это представляется интересным направлением дальнейших исследований.

ПАРАДОКС ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Если объем ренты, формирующейся в результате глобального экономического лидерства, нетривиален, то естественно было бы ожидать, что дис-

танция, отделяющая лидеров от остальных стран, должна была по большей части увеличиваться. Это могло бы быть естественным объяснением упоминавшегося выше “эффекта колеи” – устойчивых различий в темпах роста между группами стран.

Однако на практике увеличения “отрыва” не происходит. Напротив, дистанция между лидерами и остальными государствами на современном этапе сокращается. Еще в 2004 г. доля *трех* традиционных лидеров мировой экономики (1)+(2)+(3) составляла 70.5%, в 2008 г. уже *четыре* доминирующих экономических центра (1)+(2)+(3)+(4) контролировали всего 68.5% мирового ВВП, а в 2013 г. еще меньше – 64.5%.

Действительно, в период 1990–2002 гг. показатели долей крупнейших национальных экономик колебались в рамках примерно одного диапазона, но с 2003 по 2007 г. произошло достаточно резкое их снижение в результате опережающего экономического роста остальных стран. Доли самых крупных национальных экономик с высокой вероятностью продолжат снижение (рис. 4). Наблюдаемое ныне сокращение разрыва между странами-лидерами и догоняющими их экономиками может объясняться двояко: либо наличием устойчивых факторов, противодействующих ускорению роста лидеров, либо в результате появления новых возможностей догоняющего развития.

Факторы, которые замедляют экономический рост стран-лидеров, фактически являются обрат-

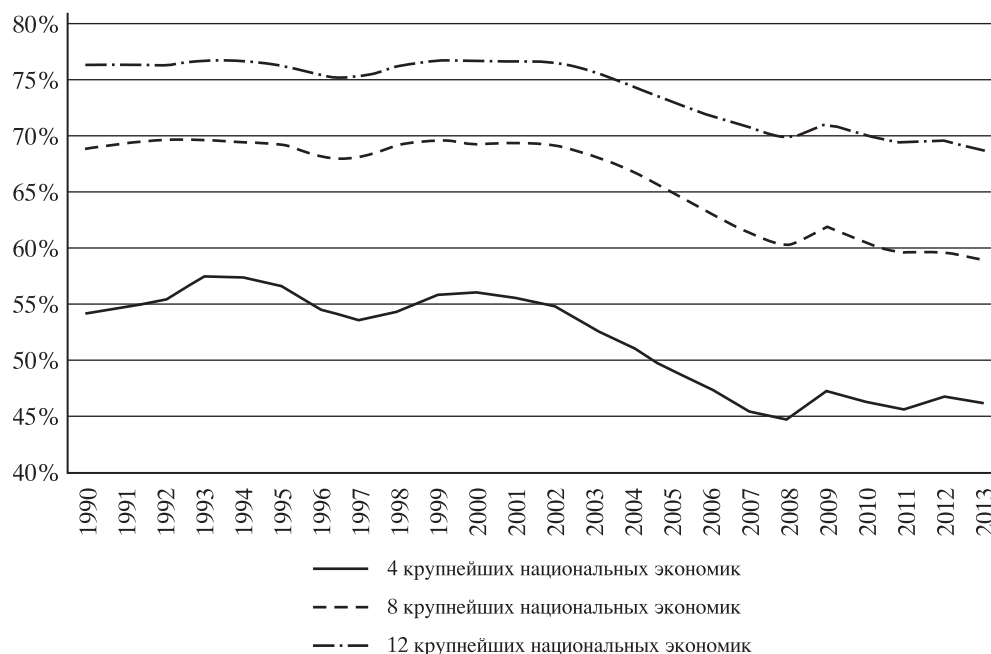

Рис. 4. Доли крупнейших экономик в мировом ВВП

Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка (*World DataBank*), ВВП в долларовом выражении по номинальному курсу.

ной стороной их преимуществ, обеспечивающих возможность формирования “лидерской ренты”.

“Дилемма Триффина”. В 1947 г. в исследовании, выполненном для Совета управляющих Федеральной резервной системы США, экономист Р. Триффин указал на серьезное противоречие, возникающее при совмещении денежной единицей функций национальной и резервной валюты [14]. Эмитент резервной валюты, предоставляя мировому хозяйству дополнительные ее объемы, может одновременно формировать в национальной экономике устойчивый дефицит текущего счета и/или зависимость от иностранного финансирования (в частности, это характерно для США).

Кроме того, дополнительный приток капитала в государства-эмитенты резервных валют (эти государства, как правило, поддерживают режим полностью свободного курсообразования) при прочих равных условиях приводит к их относительному укреплению, негативно сказывающемуся на международной конкурентоспособности национальных товаропроизводителей. Как показывает практика, в течение длительных периодов времени “переваривать” дополнительный приток капитала, вызванный внешними обстоятельствами, могут себе позволить только самые крупные экономические системы. Для малых открытых экономик, таких, как Швейцария, нежелательное укрепление национальной валюты может быть

настолько сильным, что требует выработки специальных мер противодействия, эффективность которых не гарантирована⁸.

Избыточные государственные заимствования. Стабильно низкий уровень реальных процентных ставок имеет не только позитивные последствия, но также может стимулировать мягкую фискальную политику и избыточные государственные заимствования, в конечном счете формирующие “долговой навес” (*debt overhang*) с соответствующими макроэкономическими последствиями [15]. Так, на периферии еврозоны низкий уровень процентных ставок привел к ускоренному накоплению госдолга и, в конечном счете, к панъевропейскому долговому кризису.

Избыточные частные заимствования и финансовые пузыри. Даже если поддерживается консервативный режим фискальной политики, избыточная задолженность может формироваться не в государственном, а в корпоративном и финансовом секторах. Это само по себе приводит к интенсификации системных рисков [16].

Кроме того, в случае сбоя пруденциальной политики режим низких процентных ставок приводит к образованию финансовых пузырей, прежде

⁸ Это ярко продемонстрировал неожиданный отказ Банка Швейцарии в начале 2015 г. от политики фиксации курса франка по отношению к евро.

всего на рынках акций, недвижимости и деривативов. Последующее схлопывание таких пузырей замедляет экономическое развитие, что чревато длительной стагнацией (наиболее показательно этот сценарий иллюстрируется на примере кризиса, с которым столкнулась Япония в конце 1980-х годов).

Однако сокращение отрыва стран-лидеров от основной группы стран связано не только с торможением экономического роста лидеров, но и с улучшением возможностей догоняющего развития⁹. Это стало прямым следствием глобализации, в ходе которой развивающиеся страны имеют возможность заимствовать передовые технологии и методы производства (прежде всего, в рамках инвестиционного цикла), что позволяет организовать эффективные производственные процессы [17, pp. 64-69].

Разумное сдерживание укрепления национальных валют догоняющих стран усиливает конкурентоспособность их продукции и общую инвестиционную привлекательность, что создает условия для привлечения иностранных капиталовложений и поддержания темпов экономического роста, превышающих показатели крупнейших экономик. Для последних же неспособность конвертировать преимущества масштаба в “лидерскую ренту” чревато замедлением темпов экономического роста и, в конечном счете, выпадением из числа лидеров и по количественным показателям.

РОССИЯ И НОВАЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Анализируя сравнительную динамику российского и мирового ВВП по текущему валютному курсу, можно выделить четыре периода: два длительных и два коротких (рис. 5):

– десятилетие отставания от динамики мирового развития (1990–1999 гг.), обусловленное одновременным экономическим спадом и ослаблением рубля;

– десятилетие значительного опережения российской экономикой среднемировой динамики (1999–2008 гг.), обусловленное одновременно высокими темпами роста реального ВВП и укреплением рубля;

– период более высокой, чем общемировая, волатильности российской экономики в течение глобального кризиса 2008–2009 гг.;

– незначительное опережение Россией общемировой экономической динамики на фоне постепенного укрепления рубля (2010–2013 гг.).

Однако в 2012–2013 гг. произошло замедление российской экономики, а начиная с 2014 г. наша страна вступила в период резкого падения темпов роста экономики относительно среднемировой динамики, на который наложилось резкое ослабление рубля, обусловленное как объективными, так и субъективными причинами. По всей видимости, такая динамика, возможно в ослабленной форме, сохранится, как минимум, в 2015–2016 гг. Таким образом, наша страна сегодня отдалается от лидерских позиций, и пока нет весомых оснований прогнозировать разворот этого неблагоприятного тренда.

Между тем Россия располагает многими предпосылками для превращения в страну, отвечающую критериям экономического лидера современного мира. В начале нового тысячелетия были осуществлены реформы, способствовавшие эффективной трансформации и диверсификации экономики, ее интеграции в мировое хозяйство, формированию предпосылок для динамичного экономического роста. Были предприняты определенные усилия в направлении повышения привлекательности российских финансовых рынков и формирования в России международного финансового центра.

Страна играла активную роль в международных финансовых организациях и лидировала в организации процессов экономической интеграции на постсоветском пространстве. В частности, принесли результат нормативные изменения, обеспечившие полную конвертируемость рубля: перед кризисом 2008 г. ряд индикаторов свидетельствовал о возможности усиления позиций рубля как региональной резервной валюты.

К сожалению, отказ от проведения структурных реформ (начиная с 2005 г.) и тенденции посткризисного (после 2008 г.) развития существенно отодвинули перспективу завоевания позиций экономического лидерства – сначала по качественным критериям, а теперь уже и по количественным. В результате на сегодняшний день положение нашей страны в мировой экономике в силу целого ряда причин – сырьевой ориентации, критической зависимости от узкой номенклатуры экспорта, концентрации рисков в небольшом числе отраслей, неразвитости и “схлопывания” внутреннего финансового рынка, неустойчивости инвестиционного процесса – не может быть признано не только соответствующим критериям лидерства, но и просто удовлетворительным. При

⁹ Мы говорим именно об улучшении возможностей, воспользоваться которыми могут далеко не все страны.

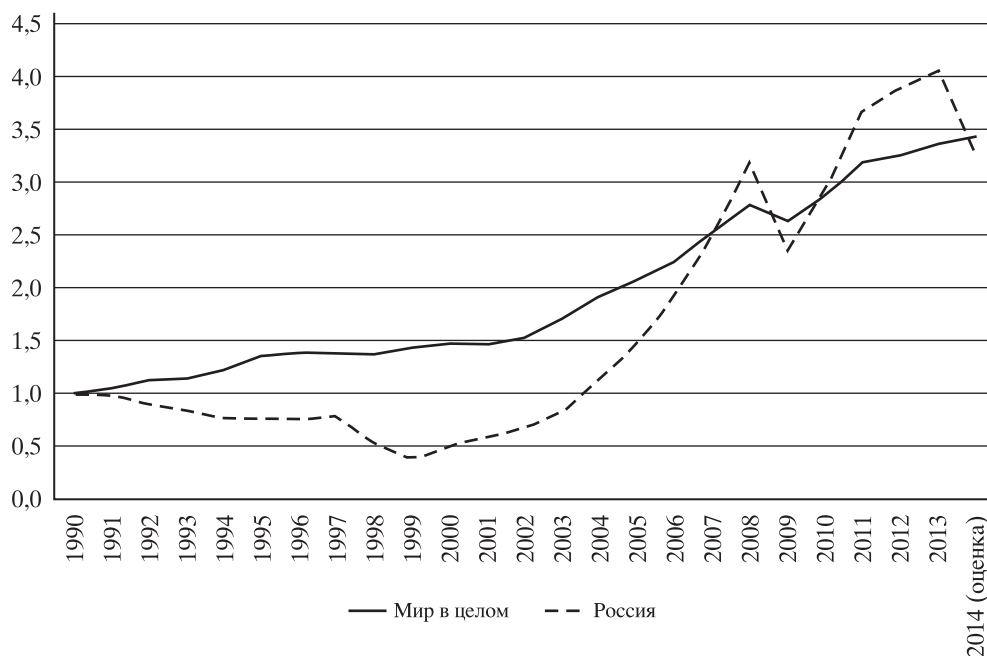

Рис. 5. Динамика ВВП России и мира в целом (1990 год = 1)

Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка (*World DataBank*) по ВВП в долларовом выражении по номинальному курсу.

самом пессимистическом прогнозе Россия может в исторически короткой перспективе перейти из группы крупных развивающихся экономик, сохраняющих шансы войти в число центров притяжения в глобальной экономической системе, в разряд государств периферии мирового хозяйства, с соответствующим увеличением экзогенности рисков и снижением геополитического значения.

В то же время Россия оказывается перед новыми вызовами, связанными с изменением мировой экономической иерархии. В силу указанных выше причин, а также действующего режима международных санкций российская экономика обладает недостаточным уровнем устойчивости, поэтому в целом ее риски в условиях изменения природы мирового хозяйства возрастают.

Кроме того, в силу текущего внешнеполитического позиционирования существует достаточно высокая вероятность вовлечения России в зону влияния динамично растущей китайской экономики в качестве элемента ее периферии. По причине существенного сокращения доли в мировой экономике и, соответственно, во внешнеэкономическом обороте нынешних основных партнеров наша страна может утратить позиции даже регионального экономического центра.

Напротив, стать частью ядра мировой экономической системы Россия может лишь в рамках следующих сценариев:

- 1) интеграция в уже существующую наднациональную единую экономическую систему или попытка формирования нового интеграционного пространства, включающего крупные экономики;
- 2) обеспечение темпов экономического роста, опережающих среднемировые, а также повышение устойчивости социально-экономического развития.

Наиболее простым вариантом повышения экономической роли России в мире долгое время представлялась взаимовыгодная интеграция с единой европейской экономической системой. Однако новые внешнеполитические реалии практически исключают вероятность подобного сценария даже в среднесрочной перспективе. В свою очередь, создание единого экономического пространства на базе части стран, возникших на территории бывшего СССР, не может обеспечить сколько-нибудь значимого увеличения роли в мировом хозяйстве. Совокупная доля России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии в мировом ВВП в 2013 г. составила 3.22% – чуть больше, чем Бразилии (3%)¹⁰. В то же время формирование какого-либо альтернативного интегра-

¹⁰ По состоянию на первый квартал 2015 г. этот номинальный показатель с учетом обвальной девальвации рубля сократился еще более заметно (примерно до 2.6%).

ционного объединения с участием России и других относительно крупных экономик (например, Украины или Ирана) на данный момент практически исключено.

Начавшийся в 2014 г. кризис может привести к понижению рейтинга России в мировой экономической иерархии, угрожающему стать необратимым. Для преодоления кризисных тенденций и выхода на темпы экономического роста, превышающие среднемировые, необходимы не косметические и половинчатые меры, а глубокие преобразования национальной политико-экономической системы.

* * *

В современном мире наряду с такими качественными экономическими параметрами, как уровень жизни, величина дохода на душу населения, структура производства и уровень развития производительных сил, особое значение приобретает также абсолютный размер экономики (продукта, производимого за единицу времени). Процессы либерализации внешнеэкономической деятельности и глобализации приводят к тому, что опережение других стран по количественным показателям создает для страны-лидера возможность получения определенных экономических выигрышей, совокупная величина которых не тривиальна. Такой выигрыш может быть получен в случае, если преимущества масштаба соединяются с определенными качественными характеристиками. Страна становится лидером не только по количественным, но и по качественным показателям уровня развития экономики, общества и финансовой системы.

Это и есть “лидерская рента”, которая складывается благодаря действию разнообразных процес-

сов – от конкурентного поведения транснациональных корпораций до превращения ведущих валют в резервные денежные единицы (оценка размера “лидерской ренты” представляет собой перспективное направление исследований в данной области).

Современная структура мирового хозяйства характеризуется доминированием четверки экономик-лидеров – США, Евросоюз, Япония и Китай, причем появление новых лидеров в ближайшее время маловероятно. В то же время, несмотря на наличие “лидерской ренты”, экономическое доминирование лидеров в последние годы сокращается, что свидетельствует о действии выравнивающих факторов, препятствующих закреплению лидерских позиций. Эти факторы, по сути, служат обратной стороной экономических преимуществ лидеров. Вместе с тем они свидетельствуют о появлении в условиях глобализации новых возможностей догоняющего развития. Государства с наиболее крупными экономиками, которые эффективно воспользуются данными возможностями, имеют шансы в долгосрочной перспективе войти в число мировых лидеров.

В условиях повышенной турбулентности мирового экономического развития и роста интенсивности трансграничных потоков капитала, по видимому, будут усиливаться как выигрыши от наличия статуса лидера, так и неустойчивость периферии мировой экономической системы. Роль России в будущей мировой экономической иерархии в этой связи вызывает сегодня особую обеспокоенность по причине отставания от среднемировых темпов развития и закрепления тем самым количественной, а, в конечном счете, и качественной отсталости. Слом данной тенденции потребует коренных изменений экономической политики и восстановления полноценной интеграции в глобальной хозяйственной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Maddison A. *Contours of the World Economy 1 – 2030 AD*. New York, Oxford University Press, 2007. 448 p.
2. *Россия в полицентричном мире*. Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. Москва, Весь Мир, 2011. 580 с. [*Rossiya v politsentrichnom mire* [Russia in a Polycentric World]. A. Dynkin, N. Ivanova, eds. Moscow, Ves' Mir, 2011. 580 p.]
3. *National Intelligence Council. Global Trends 2030: Alternative Worlds*. December 12, 2012. 137 p.
4. Аузан А. Эффект колес. Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез. *Вестник Московского университета, серия 6. “Экономика”*, 2015, № 1, сс. 3-17. [Auzan A. Effekt kolei. Problema zavisimosti ot traektorii predshestvuyushchego razvitiya – evolyutsiya gipotez [Path Dependence. Theoretical Evolution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 6. “Ekonomika”*, 2015, no. 1, pp. 3-17.]
5. Popov V. *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West*. New York, Oxford University Press, 2014. 191 p.

6. Улюкаев А. *Болезненная трансформация мировой экономики*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2015. 256 с. [Ulyukaev A. *Boleznennaya transformatsiya mirovoi ekonomiki* [Painful Transformation of the World Economy]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. 256 p.]
7. Гайдар Е. *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. Москва, Дело, 2005. 656 с. [Gaidar E. *Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoi istorii* [Long Time. Russia in the World: Essays in Economic History]. Moscow, Delo, 2005. 656 p.]
8. O'Neill J., Stupnytska A. The Long-Term Outlook for the BRICs and N-11 Post Crisis. *Goldman Sachs. Global Economics Paper*. December 4, 2009, no. 192. 28 p.
9. Эйхенгрин Б. *Непомерная привилегия*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2013. 320 с. [Eichengreen B. *Nepomernnaya privilegiya* [Exorbitant Privilege]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2013. 320 p.]
10. Раджан Р.Г. *Линии разлома: скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике*. Москва, Изд-во Института Гайдара 2013. 416 с. [Rajan R.G. *Linii razloma: skrytye treshchiny, vse eshche ugrozhayushchie mirovoi ekonomike* [Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2013. 416 p.]
11. Гаспарян О.Т., Камалова Р.У., Кочешкова Е.А. и др. *Индексы развития стран мира*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 247 с. [Gasparyan O.T., Kamalova R.U., Kocheshkova E.A. i dr. *Indeksy razvitiya stran mira* [Development Indices of Countries]. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2014. 247 p.]
12. *Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves, International Monetary Fund*. Available at: <http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4> (accessed 15.03.2015).
13. Rogoff K. *America's Endless Budget Battle*. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/kenneth-rogooffwhat-a-us-default-would-mean-for-america-and-the-world> (accessed 10.03.2015).
14. Triffin R. National Central Banking and the International Economy. *Postwar Economic Studies*, 1947, no. 7, pp. 46-81.
15. Reinhart C., Rogoff K. *This Time is Different: Eight Centuries of Financial Folly*. Princeton, Princeton University Press. 2009. 463 p.
16. Buttiglione L., Lane Ph. R., Reichlin L., Reinhart V. *Deleveraging. What Deleveraging?* Geneva, International Center for Monetary and Banking Studies. 2013. 106 p.
17. Spence M. *The Next Convergence*. New York, Farrar, Straus and Giroux. 2011. 296 p.

GLOBAL ECONOMIC LEADERSHIP AND THE "LEADERSHIP RENT"

(MEMO Journal, 2015, no. 10, pp. 5-17)

Received 22.04.2015.

Oleg V. BUKLEMISHEV (o.buklemishev@gmail.com),

Moscow State University, 1, bldg. 46, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Yurii A. DANILOV (ydanilov@rambler.ru),

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, bldg. 1, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation;

Moscow State University, bldg. 46, Leninskiye gory, 1, Moscow, 119991, Russian Federation.

Acknowledgements. The research was supported by the grant of the Foundation «World Public Forum "Dialogue of Civilizations"». The authors would like to thank the members of the Editorial Board of the "World Economy and International Relations" for valuable policy comments made during the discussion of the article.

Nowadays, along with qualitative economic parameters, the absolute size of national economies becomes particularly important for global competition. Due to liberalization of external economic relations and processes of globalization the quantitative economic leadership by a nation produces a potential for reaping certain economic gains, and its combined value can be substantial. We call this amount the "leadership rent". It stems from natural processes like competitive behavior of the transnational corporations or transformation of the leading national monetary units into the reserve currencies. Current configuration of the global system is characterized by the dominance of four leading economies: USA, EU, Japan and China, and the latter is now replacing the US in its role as the world's biggest economy in terms of PPP. The emergence of new dominant leaders in the near future is unlikely while deposition of Japan and/or EU cannot be excluded. Despite the presence of the "leadership rent", the economic dominance of the current leaders in recent years was diminished. This indicates that there

exist certain factors preventing the leaders from further consolidating their position. These factors represent the flip side of the economic benefits of the leadership and demonstrate the new possibilities of catching-up progress by the developing countries in the era of globalization. In this regard Russia's role in the future world economic hierarchy now becomes a matter of particular concern as the country is about to persistently lag behind the world average rate of economic growth at least in the middle term. Reversal of this trend will require fundamental policy changes including restart of the deep structural reforms and restoration of unimpeded integration of the Russian economy into the global economic system.

Keywords: globalization, economic leadership, “path dependence”, “leadership rent”, reserve currency, cross-border capital flows, developing countries, catch-up economic growth.

About authors:

Oleg V. BUKLEMISHEV, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department for macroeconomic policy and strategic management, Faculty of Economics.

Yurii A. DANILOV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Department for macroeconomic policy and strategic management, Faculty of Economics.

DOI:10.20542/0131-2227-2015-10-5-17